

УДК 940.5

**ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПАРТИЗАНАМИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ**(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)*

Характеризуются протоколы допросов партизанами военнопленных как исторический источник. В качестве примера приведены протоколы допросов партизанами военнопленных, служивших в вермахте, СС и вооруженных формированиях коллаборационистов, взятых в плен партизанами Витебской области в начале 1944 г. Отмечается, что протоколы допросов являются исключительно важным историческим источником, позволяющим реконструировать оперативную обстановку в Беларуси перед проведением наступательной операции «Багратион». Из протоколов видно, какие подразделения немцев и коллаборационистов дислоцировались в Витебской области в конце 1943 – начале 1944 гг., как они были вооружены, какие настроения были среди немецких военнослужащих к концу войны. Датировка протоколов допросов началом 1944 г. свидетельствует об интенсификации сбора партизанами и Красной Армией разведывательных данных накануне освобождения Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь, Великая Отечественная война, допрос, военнопленные.

Введение. Сбор разведывательных данных о дислокации, силах и моральном состоянии военнослужащих германской армии на территории оккупированной Беларуси являлся одной из важнейших задач белорусских партизан. Показания военнопленных, зафиксированные в виде протоколов допросов, являются важным источником для изучения истории Великой Отечественной войны. Попытки изучения данной проблемы предпринимались на локальном примере [1]. В то же время в фондах Национального архива Республики Беларусь имеется ряд протоколов допросов немецких военнопленных, позволяющих изучить оперативную обстановку в Беларуси накануне освобождения ее советскими войсками.

Основная часть. Возросшая необходимость получения информации о передвижении и расположении немецких войск и объектов их инфраструктуры накануне советского наступления в Беларуси стимулировала белорусских партизан к захвату и допросу военнопленных из числа солдат и офицеров вермахта, СС и бойцов протемецких вооруженных формирований. Допрос вел заместитель командира бригады по разведке или находившийся в бригаде офицер государственной безопасности. Показания пленного протоколировались, потом зачитывались ему на немецком языке для подтверждения, что все записано с его слов верно. Помимо выяснения воинского звания и военной специальности военнослужащего противника первые вопросы задавались относительно его возраста, социального происхождения, образования.

Некоторые из немцев служили с начала Второй мировой войны, другие были призваны в ходе войны Германией против СССР. Так, партизанами был допрошен захваченный в плен унтер-офицер СС 1923 г.р. На воинскую службу он был призван в 1941 г., в составе своей дивизии прошел путь: Минск – Смоленск, Ельня – Ромны. После ранения и отпуска обучался на 7-месячных курсах унтер-офицеров в Праге. За две недели до пленения его батальон прибыл из Бобруйска в район Полоцка для борьбы с партизанами. Он сообщил подробные сведения о численности и вооружении подразделений, задействованных в операциях против партизан. Группа войск общей численностью 4000 чел., в которую входил батальон, части СС, жандармерии и литовской и «русской» полиции (из документа не ясно, идет ли речь о местных белорусских полицейских или же каких-либо частях коллаборационистов, сформированных из уроженцев России). В составе батальона (штаб в д. Боруны) было три роты, на вооружении было 6 тяжелых пулеметов, 7 батальонных 80-мм минометов. Его 8-ая рота размещалась в деревнях слева от дороги Клястицы – Полоцк. Во время объезда роты на автомашине попал в плен. В боевых действиях против партизан у реки Дрисса кроме его батальона и частей полиции участвовали танковые подразделения, снятые с фронта, причем интенсивность боев им охарактеризована такой же, как и на фронте против регулярных частей Красной Армии. По его словам, мирных жителей они не убивали и давали им свободу передвижения. Последнее утверждение следует воспринимать скептически, поскольку в районе проведения антипартизанских операций гражданское население рассматривалось карателями как партизаны и уничтожалось, угонялось на принудительные работы в Германию или выселялось в другие районы. Утверждение о «гуманном» отношении к местному населению следует отнести на счет страха данного военнопленного перед возмездием со стороны партизан [2, с. 16 – 16 об.].

В другом случае капитаном госбезопасности 17 января 1941 г. был допрошен военнопленный (звание не указано) 1925 г.р. Происходил из семьи чиновника, до войны окончил 8 классов школы, коммерческое училище, работал на военном заводе. В 1943 г. был призван в армию, после службы в учебном батальоне в составе 2-го батальона 719-го полка 391-ой учебно-полевой дивизии 3-ей танковой армии прибыл в Боровуху под Полоцком. В составе дивизии были 719 и 720-е полки, штаб дивизии размещался

в Боровухе-1, его батальон – в Замошье (29 декабря 1943 г.). Батальон состоял из трех стрелковых и пулеметной роты (сообщил фамилии командиров), делившихся на 3 взвода и 4 отделения по 13–14 бойцов. На взвод приходилось 4 ручных пулемета, 4 автомата и винтовки, в некоторых взводах по 2–3 миномета. В пулеметной роте было 4 взвода по 4 отделения, по 2 станковых пулемета на взвод и 88-мм миномет. Полку также была отдана противотанковая батарея. Помимо сведений о своем подразделении сообщил также, что 3-й батальон полка дислоцирован в Дриссе, остальные роты вдоль железной дороги Загатье – Молодечно. Сведениями и дислокации 720-го полка дивизии не располагал, а также не знал, какие задачи были поставлены перед его полком. Учитывая, что с момента дислокации его подразделения в Замошье до пленения прошло около трех недель, можно предположить, что данный военнопленный мог не ориентироваться в оперативной обстановке в районе и не успел принять участие в каких-либо операциях. В то же время он сообщил о ситуации в Германии, где констатировал нехватку продуктов, интенсивные бомбардировки немецких городов авиацией союзников по антигитлеровской коалиции и удрученное настроение гражданского населения, которое желало скорейшего окончания войны. Такая объективная оценка сложнейшей социально-экономической ситуации в Германии вызвала со стороны проводившего допрос офицера вопрос, желает ли он воевать против фашизма на стороне партизан, от чего военнопленный категорически отказался: «Все немцы мои братья, их стрелять я не буду» [2, л. 21 – 21 об.]. Очевидно, убеждения молодого (18 или 19 лет на момент пленения) немца были результатом пропаганды национал-социализма.

Еще один военнопленный 1925 г.р. происходил из семьи кустика из Саксонии, окончил 8 классов школы, состоял в гитлерюгенде, до 1942 г. работал учеником шорника, был призван в армию в 1943 г. После четырехмесячной подготовки в Кракове находился в резерве, в декабре 1943 г. в составе 87-й дивизии был отправлен на фронт в район Невеля, служил пехотинцем, хотя и обучался на курсах радистов. В составе дивизии находились 185 и 187-й пехотные полки и артиллерийский полк. В боях с Красной Армией дивизия понесла значительные потери (артполк был уничтожен полностью) и была отведена на переформирование в Витебск и далее в д. Пожнево в 10 километрах от Полоцка. С учетом пополнений под Витебском дивизия, по его оценкам, насчитывала 10–12 тыс. чел. при штате в 18–20 тыс. Вскоре полки были направлены в район Уллы для борьбы с партизанами. Каждый полк состоял из трех батальонов, делившихся на 3 роты, в которых служили солдаты в возрасте от 18 до 45 лет. На вооружении полка состояло 5 противотанковых ружей, 5 противотанковых орудий, 8–10 минометов. В его батальоне было 2 миномета, 10–15 пулеметов, около 20 автоматов и винтовки. На время боев с партизанами полку были отданы 3 танка и артиллерия. Батальон дислоцировался в д. Красное в 15-ти километрах западнее Уллы. Сведений о других подразделениях полка и иных немецких частях в районе Витебск – Полоцк не имел, потери батальона в ходе борьбы с партизанами оценил в двух убитых и одного раненого. Ожидалась отправка дивизии на фронт. Со ссылкой на сослуживцев, ездивших в отпуск, и собственные наблюдения во время пути на фронт сообщил о концентрации немецких войск на границе с СССР. На вопрос о новой немецкой военной технике сообщил, что видел изображение 8-ствольного миномета в журнале, а также сообщил, что солдаты изучают виды отравляющих веществ и пользование противогАЗами. Как и другие пленные, показал, что немецкие солдаты и часть офицеров твердо убеждены, что Германия войну проиграла, вину за развязывание войны возлагал на Гитлера [2, л. 31–32].

Интересная биография была у допрошенного 21 января 1944 г. уроженца Нижней Силезии. Военнослужащий 1898 г.р., крестьянин, окончил 8 классов школы и сельскохозяйственную школу, женат, участник Первой мировой войны, в 1918 г. попал в плен. По его словам, в Советской России воевал в Красной Армии против Врангеля и Петлюры, потом бежал (обстоятельства не поясняет), попал к англичанам в Тегеране, вместе с ними попал в Батуми, потом в Люксембург, в 1919 г. вернулся в Германию. В межвоенные годы занимался сельским хозяйством, в 1941 г. был вновь призван в армию, но, очевидно, в силу возраста и богатой биографии, был направлен на 6-месячные сельскохозяйственные курсы. На оккупированной территории СССР был сельскохозяйственным комендантом в районе Рославля, с ноября 1943 г. – в Плиссе, за день до допроса попал в плен к партизанам. На допросе рассказал, что именно изучал на курсах зондерфюреров, отрицал связь с гестапо, сообщил партизанам о дислокации и составе известных ему немецких частей в Глубоком, Прозорах, на железной дороге Полоцк – Крулевщина, укреплениях на дороге Плисса – Глубокое [2, л. 33–34 об.].

Допрошенный 22 января 1944 г. старший лейтенант вермахта (1908 г.р.) до войны являлся служащим торгового предприятия, в 1939 г. был мобилизован, служил фельдфебелем информационной роты. На оккупированной территории Советского Союза являлся руководителем отделений Центрального торгового общества «Восток» в Сталино, Мариуполе и Плисском районе (с 15 мая 1943 г.), где и попал в плен. Военнопленный сообщил данные о составе гарнизона в Плиссах (2 роты немцев по 240–250 чел., бойцы РОНА Каминского, вокруг ПлиССы созданы оборонительные сооружения (дзоты и окопы)). О дислокации немецких 271-ой и 81-ой дивизии ему было ничего не известно, как и о штабе 12 танковой дивизии, но сообщил о размещении батальона в районе Лужков, до роты немцев в Голубичах и нахождении до ноября 1943 г. 421-го охранного батальона в Подсвилье. Собранные у крестьян продукты питания

отправлял на склады в Глубокое, другие немецкие склады находились по дороге Плисса – Глубокое и в районе железнодорожной станции Глубокое, но что на них хранилось не знал. Плисская сельскохозяйственная комендатура установила годовой план сдачи крестьянами района продуктов питания в размере: 400 т мяса живым весом, 3000 т хлеба, 5600 т картофеля. Помимо планового сбора натуральных налогов допрошенный признал, что солдаты немецкой армии при остановке в населенных пунктах занимаются мародерством [2, л. 35–38]. Очевидно, партизан скорее интересовало размещение различных немецких объектов и воинских частей, поэтому вопросов социально-экономического характера было задано немного, хотя чиновник, ответственный за экономическую эксплуатацию подведомственной территории, мог дать множество ценных сведений относительно средств и методов осуществления оккупационной политики нацистов.

О подавленном настроении немецких солдат свидетельствовал также штабс-фельдфебель 356-го батальона 719-го полка 52-ой учебной дивизии, допрошенный 20 марта 1944 г. Уроженец Западной Пруссии (1901 г.) был мобилизован в 1939 г. С 1942 г. был на Восточном фронте, занимался обучением новобранцев. Несмотря на то, что его дивизия имела статус учебной, солдаты охраняли железную дорогу Полоцк – Молодечно, вдоль которой были построены бункеры. По его словам, солдаты уверены, что Германия войну проиграла. Сведениями, о наличии у немцев образцов нового вооружения, якобы, не располагал, как и относительно других воинских частей. В протоколе допроса отмечено, что допрошенный был награжден железным крестом с мечами второго класса, но не ясно за какие «заслуги» была вручена эта высокая награда германской армии [2, л. 87–88].

Ефрейтор вермахта 1901 г.р. был мобилизован в 1941 г., служил во Франции на охране военных объектов и лагерей военнопленных, в октябре 1942 г. попал на Восточный фронт. Его 3-й батальон 601-го полка 201-ой охранной дивизии дислоцировался в Боровухе-2 и Дриссе, 13 марта 1944 г. был переброшен на охрану шоссе Лепель – Камень и сразу же попал в плен, поскольку допрос датирован 18-ым марта. Сведений он сообщил крайне мало. Из его ответов следовало, что на охраняемом ими шоссе имелись укрепления, но не знает где, также ничего не известно о гарнизонах в Улле и Бешенковичах. Как и другие пленные, он традиционно констатировал подавленное состояние немецких солдат, которые во время отпусков видели, как Германия страдала от авианалетов, и были уверены в проигрыше войны [2, л. 89–89 об.].

Развернутые показания дал рядовой 1919 г.р., взятый в плен в д. Рудня отрядом им. Суворова 1-й Дриссенской партизанской бригады. Допрос велся два дня, 28–29 февраля 1944 г. старшим оперуполномоченным штаба бригады. Пленный являлся уроженцем Гамбурга, был женат, работал токарем на заводе. В 1939 г. был призван в армию, служил в Голландии, Франции, с 22 июня 1941 г. воевал на Восточном фронте в составе 10-го корпуса 16-ой немецкой армии генерала Буша. Его часть побывала в Даугавпилсе, Пскове, Опочке, Себеже, Старой Руссе, Демьянске. Очевидно, служил либо в тыловых подразделениях, либо при штабе корпуса, поскольку упомянул, что в январе 1944 г. приказом по армии военнослужащие тыловых частей 1914 г.р. и моложе были направлены в действующие подразделения. Находящиеся при штабе корпуса были направлены в отделение связи 290-ой дивизии, а потом на борьбу с партизанами (45 чел.). В феврале 1944 г. отделение связи прибыло в Идрицу и действовало в составе группировки в 300 чел. под командованием обер-лейтенанта фельджандармерии. Группировка была разбита на группы 35–45 чел., связь между собой поддерживали ракетами (например, серия красных ракет – опасность). В начале февраля 1944 г. группировка вела разведку в районе Долосцев. 25 февраля состоялась пятая операция группировки в Дриссенском и Россонском районах с целью уничтожения партизан и угона гражданского населения в Германию. В это время военнослужащие стали чувствовать дефицит в снабжении. Так, вместо 90 патронов на винтовку, согласно приказу, им выдали только по 75; мясные продукты в рационе солдат в большинстве случаев заменялись рыбными. На два дня операции было выдано 1200 гр. хлеба, 120 гр. сливочного масла, 100 гр. мясных консервов, 50 гр. конфет, 14 шт. сигарет, как замена горячей пищи – 100 гр. рыбных консервов. На вопрос о дислокации немецких частей сообщил о размещении небольших подразделений фельджандармерии и походной автомастерской слева по шоссе от Долосцев до Идрицы, продовольственного и артиллерийского складов в Идрице, сосредоточении в районе крупных сил авиации. Также сообщил, что три полка 290-ой дивизии в январе 1944 г. выбыли на фронт и были заменены в тыловом районе подразделениями латышей и литовцев [2, л. 98–100 об.]. Данный протокол допроса свидетельствовал о сложной для немцев ситуации на фронте, нехватке у Германии людских и материальных ресурсов к концу войны.

Капитаном госбезопасности 7 апреля 1944 г. был допрошен старший ефрейтор 1904 г.р., уроженец Австрии. Имел образование 6 классов народной школы, работал каменщиком, электриком, экспедитором, чернорабочим. Правительством Шушнинга за участие в социал-демократическом движении был заключен в тюрьму, в марте 1939 г. снова получил тюремный срок после аннексии Австрии нацистами. В 1941 г. был призван в армию, служил во взводе связи 2-го батальона 601-го полка на Восточном фронте в районе Гжацка. С ноября 1942 г. часть прибыла в район Борковичей в Верхнедвинский район для охраны железной дороги Бигосово – Боровуха. В январе 1944 г. часть была передислоцирована в район шоссе Лепель – Борисов. Как и предыдущий военнопленный, он являлся связистом, и, очевидно, был

захвачен в плен во время передвижения по линии связи. В плен попал в Лепельском районе, куда была передислоцирована его часть, охранявшая шоссе Лепель – Камень (в этом районе немцы сменили солдат РОНА, отправленных в Польшу). На допросе сообщил о немецких гарнизонах в конкретных населенных пунктах: в Черейщине находился штаб батальона и 120 солдат, 3 бункера, окопы, 1 ротный миномет, противотанковая пушка, крупнокалиберный пулемет; в Бабче – артиллерийское отделение, 4 пушки, в Усовиках – до роты немцев, пушка, минометы; левее Черейщины в направлении д. Камень – гарнизон до 100 солдат. В д. Камень размещался штаб 201 дивизии с генерал-майором Якоби, штаб 601 полка, много солдат и танки. Относительно сил немцев в Лепеле, Улле и Бешенковичах информации не имел, был там проездом, но в Бешенковичах ночевал, видел много войск. Пленному были заданы вопросы относительно конкретных немецких офицеров, которые по какой-то причине интересовали партизан. Охарактеризованы силы батальона: 4 роты по 80–120 чел., пополнение получали в марте 1943 г. На вооружении винтовки, 3 крупнокалиберных пулемета, ручные пулеметы и минометы, 1 пушка. Кроме того, пленный сообщил информацию о немецких силах в районе Витебска и Борковичей. Относительно опознавательных знаков на военном автотранспорте сведений не имел, но подробно описал организацию связи в немецкой армии. Так, телефонные разговоры шифровались цифровым кодом, который высылался штабом дивизии и менялся каждые четыре недели. Каждый батальон имел еще две радиостанции для связи с полком и дивизией, передача по шифру, который менялся каждые три часа. В случае уничтожения телефонного кабеля разговоры велись по рации. На вопрос о новых типах вооружения сообщил, что на фронте солдатам выдали новые противотанковые гранаты весом около 700 гр., выстрел производится винтовкой и пробивает любую броню. Слышал также про новые ракеты большой дальности, которыми будут обстреливать Великобританию.

Военнослужащий привел описание операции против партизан 5 апреля 1944 г. Ему лично было приказано провести связь от д. Усовики до высоты 180., задача остальных солдат была овладеть д. Заборовье. В ходе боя, несмотря на сильный артиллерийский огонь из Бабчи и огонь тяжелых пулеметов, партизаны стойко удерживали свои позиции. Капитан дал приказ отступить, но поздно, партизаны зашли с тыла и открыли огонь из автоматов и пулеметов. Потери немцев составили 5 убитых (в том числе офицер) и 9 раненых. На поле боя оставили пулемет и боеприпасы. Военнопленный отмечал, что такой стойкости со стороны партизан никто не ждал: «с таким мужеством никогда русский народ войны не проиграет».

Относительно экономического положения и морально-политического климата в Германии сказать ничего не мог, поскольку являлся жителем Австрии, но, основываясь на рассказах других солдат, констатировал дефицит продовольствия, вынужденный убой немцами скота по причине отсутствия кормов, постоянные бомбежки. В Австрии, где он был накануне пленения в отпуске в феврале 1944 г., настроение характеризовалось как «нервное», 80% населения было настроено против нацистов. Как и все другие допрошенные, он отмечал неверие немецких солдат в победу, подавленное состояние из-за неудач на фронте и ситуации на родине, дезертирство и, как следствие, расстрел недовольных военнослужащих по приговору военно-полевого суда. Им приведен паек немецкого солдата на фронте: 50 гр. колбасы или сливочного масла, 20 гр. мяса, гороховый суп, 750 гр. хлеба в сутки [2, л. 106–112]. Столь подробный рассказ о силах и моральном состоянии германской армии можно объяснить национальной принадлежностью военнослужащего (очевидно, австриец не поддерживал цели Германии в войне) и довоенными политическими взглядами.

Помимо немцев в плен попадали советские граждане, перешедшие на сторону врага. В частности, 16 марта 1944 г. помощником командира партизанской бригады им. Ленина был допрошен рядовой РККА, уроженец Волынской области 1903 г. р., малограмотный, женат, имевший детей, по происхождению из крестьян-бедняков. В Красную Армию был призван 24.07.1941 г., служил ездовым, часть назвать затруднился. В районе населенного пункта Шайковка 19 апреля 1942 г. был взят в плен во время нахождения в боевом охранении. Он и его сослуживцы были окружены и с оружием сдались в плен. Военнопленный был оставлен работать при немецкой воинской части (занимался ремонтом дорог, по его словам, оружия не имел) и находился при ней до момента пленения партизанами. Номер немецкого батальона, полка, дивизии и командира назвать не смог, как и вооружение немцев. В конце декабря 1943 г. немецкий батальон прибыл в Витебскую область из-под Старого Быхова, где ранее стоял гарнизоном. В компании, в которой ему приходилось служить, было 5 поляков, 11 русских, остальные немцы. На вопрос, осознает ли он свою вину, ответил положительно и попросил дать возможность искупить ее с оружием в руках [2, л. 103–104 об.]. Очевидно, в данном случае видна типичная биография красноармейца, попавшего в плен и попытавшегося сохранить жизнь ценой службы врагу.

Иная судьба видна из протокола допроса другого красноармейца. Заместитель командира бригады им. Ленина допросил 18 марта 1944 г. гражданина 1923 г.р., уроженца Таджикской ССР, имевшего среднее образование. В рядах Красной Армии находился с сентября 1942 г., имел награду. Ночью 23 октября 1943 г. попал в окружение в районе д. Ключ под Чаусами (по его словам, немцы схватили и потащили в свою траншею), был направлен в лагерь военнопленных в Чаусах, через двое суток бежал, 13 суток пробыл в лесу, был вновь пойман и отправлен в трудовой лагерь на строительство оборонительных сооружений под Чаусами, далее направлен в Могилев и Витебск, где стоял бункеры (около трех месяцев),

после чего через Бешенковичи и Уллу отправлен в Полоцк, откуда 11 марта 1944 г. бежал и был задержан разведгруппой партизан. Служил в 4 кампании строительного батальона 131-ой немецкой стрелковой дивизии, оружия не имел, штаб дивизии находился в Витебске, штаб кампании в Бешенковичах. Относительно минных полей и составе дивизии информацией не располагал. На вопрос, признает ли себя виновным в измене родины, ответил отрицательно, поскольку он не сдался в плен добровольно, а был захвачен в бою («дрался до последнего патрона») [2, л. 102–102 об.].

На общем фоне допросов немецких военнопленных выделяются показания плененного бойца дислоцированной в совхозе Рабцы Толочинского района разведывательной роты, сформированной из советских граждан. Допрос произвел заместитель командира по разведке партизанской бригады Леонова 19 января 1944 г. О важности данных показаний свидетельствует тот факт, что копия протокола допроса была направлена через представителя Белорусского штаба партизанского движения на 1-ом Прибалтийском фронте непосредственно начальнику БШПД [2, л. 26]. В составе роты насчитывалось 40 советских граждан, часть из которых были военнопленными, некоторые – дезертирами из Красной Армии или бывшими партизанами (до 20% состава роты), а также 17 немцев. Ротой командовал немецкий офицер, его заместителем являлся бывший советский лейтенант. Одной из задач роты являлось взятие языка на фронте (на участке Богушевск – Витебск – Орша). На операцию группа военнослужащих выходила в полевой форме РККА, вооруженные советскими пистолет-пулеметами, автоматическими винтовками и револьверами. Также захватывались языки из числа партизан в районе Крупки – Борисов. На эти операции они выходили в смешанной одежде, частично военном обмундировании, частично в гражданской одежде, маскируясь под партизан, разнообразно вооружались гранатами и пистолетами разных систем, советскими и иностранными. Также осуществлялась войсковая разведка во время карательных акций против партизан. Еще одной задачей роты было выявление партизанской агентуры и связанных из числа гражданского населения внутри немецких гарнизонов путем подкупа девушек и склонения их к сожительству во время попок. Пленный дал описание (имя, должность, приметы) 37-ми человек русского состава роты [2, л. 27–28 об.].

Заключение. Протоколы допросов захваченных партизанами в плен военнослужащих германской армии, подразделений СС и советских граждан, находившихся в различном качестве на службе у врага, являлись исключительно важным источником информации для командования партизан и Красной Армии. Тот факт, что протоколы допросов датированы январем – апрелем 1944 г., свидетельствует об активизации разведывательной деятельности накануне проведения наступательной операции «Багратион». Поступающая от военнопленных информация носила мозаичный характер, каждый военнослужащий характеризовал оперативную обстановку исходя из своего видения ситуации, звания и должности, но все вместе они позволяли советскому командованию по крупицам реконструировать объективную картину положения дел у противника в прифронтовой полосе. Все захваченные в плен военнослужащие противника признавали значительные трудности социально-экономического и военного характера, которые испытывала Германия в конце войны, и признавали факт скорого поражения своей страны во Второй мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребень, Е.А. Протоколы допросов партизанами военнопленных как источник по истории Лепельщины периода нацистской оккупации / Е.А. Гребень // VII Лепельскія чытанні : матэрыялы VII навук.-практ. канф., Лепель, 27–28 кастр. 2016 г. / пад рэд. Я.А. Грэбена. – Віцебск : Віцебская абласная друкарня, 2017. – С. 181–186.
2. Дело допросов военнопленных разведотдела штаба партизанского движения на 1-ом Прибалтийском фронте // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 942.

Поступила 10.05.2018

PROTOCOLS OF INTERVIEWS OF THE MILITARY CAPTURED BY PARTISANS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF BELARUS OF THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Y. HREBEN

The article describes the protocols of interrogations by the captured by partisans as a historical source. Examples include interrogation protocols by the captured by partisans who served in the Wehrmacht, SS and armed groups of collaborators captured by partisans of the Vitebsk region in early 1944. It is noted that the interrogation records are an extremely important historical source that allows reconstructing the operational situation in Belarus before an offensive Operation «Bagration». The protocols show which divisions of Germans and collaborators were stationed in the Vitebsk region in late 1943 – early 1944, their level of arming, what sentiments were among the German servicemen at the end of the war. The dating of the interrogation records at the beginning of 1944 gives evidence to the intensification of the collecting by the partisans and the Red Army of intelligence data on the eve of the liberation of Belarus.

Keywords: Belarus, The Great Patriotic War, interrogation, prisoners of war.